

УДК 141.33

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ СКАЗКЕ

А.А. Суслов

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

E-mail: as8282@list.ru

Анализируются особенности восприятия категории пространства русской сказкой. Особое внимание уделяется аспектам зарождения мира, продемонстрирована связь реального и волшебного сказочного пространства. Показано своеобразие восприятия пространства русской сказкой. Рассмотрены идеи космогонической пространственной организации традиционного мира. На примере русских сказок проанализированы пространственно-бытийные онто-гносеологические проблемы отечественной мифологии и философии, являющейся основой культурной идентичности народа.

Ключевые слова:

Сказка, пространство, мир, волшебное пространство, космогенез, русский менталитет, традиционное общество.

Key words:

Tale, space, world, magic space, cosmogenesis, Russian mentality, conventional society.

Русская сказка в настоящее время представляет огромный материал для всестороннего изучения наукой, философией. В ней поразительным образом переплелись не только вымышленные сказочные сюжеты, персонажи, но и нашли отражение представления русской традиционной культуры важнейших философских базовых смыслов: о сущности человека, о мире, об их месте и роли. Русская сказка вобрала в себя идеальную модель устройства мира, определила место человека в этой системе. Сказка как явление культуры свойственна многим народам. Однако русские сказки были для народа не только видом искусства. Они, в силу практически абсолютной неграмотности населения страны, выполняли роль неких «школ» для детей и «университетов» для взрослых, объясняя сложное простым и невероятно красивой и певучей манерой. Среди важнейших аспектов, определяемых сказкой, заметный интерес исследователей русского фольклора представляет понимание русской сказкой организации и сущности пространства, наполнения его глубинным смыслом.

Предметной областью данной статьи является рассмотрение русской сказки как философско-культурологического материала и истоков знаний о пространственно-временной организации русского мира. Сказка как особый мир и способ познания русского менталитета естественным образом вобрала в себя уникальные самобытные дофилософских знания о времени, бытие, пространстве и сущности мира. Сказочная тематика являлась вдохновением и основой в дальнейшем русской литературной и философской традиции. Обращение в современных условиях к сказочному фольклору объясняется во многом поиском корней, ключей к познанию, неких кодов культуры, обычаев, мировоззрения и в целом первозданных о мире и мироустройстве. Россия вновь на пути перемен как политических, экономических, так и в целом культурных. Сказка позволяет быть одним из важнейших ориентиров, национальным самобытным содержанием, позволяющим не растерять истинный облик русской культуры.

Сказку можно воспринимать по-разному. Она может представлять и литературный жанр, и вымышленную историю, и способ познания мира традиционным человеком, и как некое хрестоматийное дидактико-воспитательное произведение. Сам термин «сказка» впервые встречается в «Грамматике словенской» (1596) Лаврентия Зизания, однако близком по значению со словом «басня» [1. С. 3]. В своем прямом значении сказка как литературный жанр было зафиксировано гораздо позже – в «Рукописном лексиконе первой половины XVIII века» [2. С. 15]. Модернизационные процессы России XVIII – XIX вв. привели к появлению новой элитарной светской, в большей мере западной культуры. Возможно, вплоть до середины девятнадцатого века в сказках видели только такие явления как: вымысел, фантазию, забаву, что было достойным только для людей низших сословий, изначально лишенных благ элитарной дворянской культуры. Тем не менее, многие знатные русские дворяне и бояре и даже императрицы старались как сами приобщаться к столь богатому культурному наследию народа, так и вовлекать в этот процесс своих детей. Как известно, великая русская императрица Екатерина II является автором детских сказок: «Сказка о царевиче Хлоре» (1781) и «Сказка о царевиче Февее» (1783) [2. С. 15].

Категории пространства и времени в русских сказках, а также само понимание сказок как первоосновы знаний и традиций всегда занимали важнейшее место в науке изучения художественного фольклорного текста. Изучение данного феномена являлось предметом научных исследований Е.М. Метелинского, Н.И. Толстого, Ф.М. Селиванова, М.С. Кагана и других авторов. Все эти авторы отмечали целевую заданность пространственно-временной организации.

Вестернизация России, модернизационные процессы империи впервые актуализировали вопросы идентификации русской культуры. Сказки стали предметом философских, литературоведческих и иных исследований. Однолинейное пони-

мание сказки исключительно как литературного жанра было явно признано неудовлетворительным. Ученых волновали причины народа к сочинительству сказок, отражения реальности в них и, в целом, их многофакторное значение как феномена культуры народа. В то время особо популярной была мифологическая школа, основу которой составили исследования Федора Ивановича Буслаева и Александра Николаевича Афанасьева. В рамках данной школы были и весьма спорные вопросы, например о понятии, первичности сказки или мифа, о сочетании того и другого. Сказка и миф в исследованиях многих ученых выступали как синонимичные понятия, либо по крайней мере представлялись достаточно весомо взаимозависимыми. Так, например, Н.И. Кравцов, обобщивший труды представителей русской мифологической школы первой половины XIX в., пришел к интересному выводу. Сказка, следуя логике мифологов возникает из «первозданного» слова, в основе которого лежит метафора, поэтому как метафору обычно трактовали сказку [3. С. 17].

Сторонники этой концепции (И.П. Сахаров, П.А. Белонов, О.Ф. Миллер) ввели даже термин, характеризующие жанрово и содержательно некоторые сказки «мифологические сказки». Особого внимания заслуживают исследования выдающегося русского фольклориста, литературоведа А.Н. Афанасьева. В своих статьях «Происхождение мифа, метод и средства его изучения», «Сказка и миф» актуализирует проблему генезиса русской сказки как явления культуры народа. Миф в работах А.Н. Афанасьева представлен как результат изменений в языке, таких как потеря словом начального значения, подмена его фантастическим, но функционально верным образом. Первичный материал, являющийся основой как мифов, так и сказок, в представлении А.Н. Афанасьева изначально обладал поэтичностью, способной к наиболее точной передачи сущности мира и явлений природы, действий людей.

Благодаря содержанию художественных метафор, удивительно чувственно и тонко отражающих смысл понятия. Первозданные слова приобрели некий сакральный и волшебный смысл, все менее походивший на реальность вследствие постепенной утраты первоначальных смыслов метафор. В результате рождается миф, как некое метафорическое в обыденном сознании скорее как вымышленное явление. Вымысел — это то, что невозможно подтвердить, ровно так же как и то, что можно опровергнуть, применив незамысловатые приемы формальной логики. А.Н. Афанасьев, определяя природу сказок посредством сравнения их с мифами, выявил как смежные черты, так и явные отличия одного от другого. К числу сходств он отнес относительное постоянство сюжета, общность, некая обрядность сказок. Сказка в представлении А.Н. Афанасьева зародилась в момент зарождения самих мифов и существовала параллельно с ними [4. С. 142].

Другие представители мифологической школы рассматривают сказку как результат развития мифа, изначально существующего в традиционном обществе, при этом отрицают афанасьевскую концепцию параллельного существования мифа и сказки на этапе их зарождения. Е.М. Метелинский, в подтверждение этой идеи, выделяет сказку архаическую — как промежуточный вариант между мифом и классической волшебной сказкой. Сказка, в определении Е.М. Метелинского изначально мифологизирует время и пространство, которые выражаются неопределенно («Давным-давно», «В некотором царстве, в некотором государстве» и т. д.). Вследствие этого отсутствует в сказках этиологизм, столь характерный для мифов. Так же сказки в отличие от мифов в большей мере содержат примеры конкретных действий мифических существ (Баба Яга, Змей Горыныч, Кошечка...), тогда как мифы поэтизируют в значительной степени описания магических свойств и потенциальных возможностей все тех же существ. Кроме того сказка выступает как некоторое пособие житейской философии, ориентирована на социальные отношения. Яркие поэтические образы (свой — чужой, дом — лес, власть — смирение, небо — земля, ребенок — Баба Яга, мост — крыльцо) противопоставлений точно определяют правила функционирования общества и его устройства [5. С. 13]. Миф же в этом плане статичен, его предмет — события, неизбежность, мироустройство — то на что люди скорее всего повлиять не могут, правила человеческого общежития выходят на второй план.

Исследования русского традиционализма через изучение сказок привели к появлению психологической школы русской филологии. Ее основоположником был Александр Афанасьевич Потебня. В 1862 г. в «Журнале министерства народного просвещения» он опубликовал свой судьбоносный труд «Мысль и язык», концептуально отличающийся от всех подобных исследований. А.А. Потебня интерпретировал и переосмыслил многие идеи о связи речи и действий А. Гумбольдта. Слово в себе закрепило печать некоторого действия, прежде всего мыслительного процесса. Литература, поэзия, фольклор — это не только результат времени, иллюстрирующий какой-либо исторический период, а еще и средство творения идей, базисов своего времени. В подтверждении этой идеи А.А. Потебня, обобщив материалы, представил практическое ее подтверждение в своей работе «Символ и миф в народной культуре». Морфология, фонетика неизбежно связана со словообразованием, несут в себе образ («представление»), который составляет внутреннюю форму — важнейшую категорию структуры слова [6. С. 38–39].

Современная пореформенная Россия вновь на пороге поиска истоков своего традиционализма. В связи с этим в настоящее время сказка так же представляется перспективным объектом изучения философов, историков, педагогов, социологов, психологов. Исследования в большей мере ка-

саются проблем русской филологии в данном направлении. В рамках данного направления существуют как традиционные разработки мифологов и последователей психологической школы, так и новые концепции. Скажем, теории заимствования и теории странствующих, бродячих сюжетов, выявляют трансграничность сказочного феномена как мультикультурного явления. Сказки, имея общность сюжетной линии и даже этимологическое сходство героев в культуре разных народов тем не менее существенно отличаются. Сказки неосознанно впитали в себя поэтику традиционного менталитета, мировоззрения и ценностей общества.

Исключением могут быть только некоторые авторские сказки, описывающие события и наделяющие героев смыслом, важным для государства в данный период времени. Ярким примером этого может служить сравнительный анализ сказок Ф. Баума «Волшебник страны Оз» и А. Волкова «Волшебник изумрудного города». Сравнение американских и русских сказок тогда было предметом особых научных диспутов советологов, филологов, культурологов. Многие из них использовали фольклор как ключ познания данной проблемы. Сказки Ф. Баума и А. Волкова при явном сходстве сюжета превозносят совершенно разные ценности. У американцев в большей мере ценится свобода мнений, идейная плюралистичность, способность к борьбе за свои индивидуальные права и свободы. Тогда как советская сказка в большей мере обращает внимание на дружескую помощь (коллективизм), идейный монополизм, готовность жертвовать своими интересами ради других [7. С. 189–190].

Отличие от литературных произведений, сказки как неотъемлемая часть фольклорной традиции Руси несли в себе не только эстетический, художественный посыл, но и являлись средством познания мира. Сказочные сюжеты, персонажи определяют всему происходящему в мире традиционной культуры сущностное предназначение и организуют систему ценностей.

Восприятие пространства русской сказкой обладает рядом особенностей. Сказка являлась моделью устройства мира. В ней все пространство насыщено философским смыслом, определяется конструкцией земного и небесного мира, взаимоотношения и переплетения этих миров. Тем самым, сказке свойственен некий мифологический синкретизм восприятия картины мира. В сказках волшебные пространственные объекты являются неосознанным внутренним психологическим восприятием окружающего целостного мира. Сказки объясняют как сотворение мира – космогенез, так и его дальнейшее развитие. Возникновение мира может происходить различными волшебными способами: путем разворачивания (идея мирового яйца), ткачества, кования [8. С. 26]. Используемые в сказках волшебные образы (животные, явления природы) разграничивают и определяют пространственную принадлежность. В силу того, что испокон веков русское государство отличалось наличием

огромных территорий, и отечественная фольклорная традиция не могла не возвеличить этот факт.

Выдающийся русский ученый Д.С. Лихачев, исследуя в своих работах художественное пространство русских сказок, пришел к следующему выводу: «Пространство сказки необычайно велико, оно безгранично, бесконечно, но одновременно тесно связано с действием, не самостоятельно, но и не имеет отношения к реальному пространству» [9. С. 132]. Также Д.С. Лихачев отметил, что особенность русской сказки состоит в крайне малой сопротивляемости природе, волшебных сил действиям героев. Любое пространство преодолимо. Сказки насыщены идеями постоянных пространственных изменений, текучестью, движением, Герои сказок то и время меняют свое местоположение. Пространство характеризуется отсутствием четких границ между различными мирами (небесным, земным, осязаемым и субстанциональным) и их взаимопроникновением. Сказки рушат какие-либо логичные представления о пространстве, физические законы и алгоритмы формальной логики сказочному волшебному пространству изначально чужды. С другой стороны, идея текучести и безграничности соседствует с представлением людей о бесконечности, сложности и иллюзорности самого реального мира и его постоянной изменчивости.

Пространство во многом не воспринимается людьми в силу его постоянного изменения, преобразования. Результатом сравнения и служат наши идеи о пространстве [10. С. 11]. Сам процесс развития сказочного сюжета можно рассматривать как бесконечное движение и расширение пространства: «Динамическая легкость сказки ведет к крайнему расширению ее художественного пространства» [9. С. 131]. Легкость преодоления пространства объяснима во многом с особенностями национального менталитета и мировидения. Широта земель, огромные просторы горизонта не вселяют в героев страх, а скорее манят и интригуют своей загадочностью. Преодоление ими сказочного пространства в некотором смысле созвучно с постоянным процессом освоения земель.

Сказки внушают идею о глубоко нравственном и обдуманном процессе исторического развития страны. Объединяющей идеей служит природа, мир, принятие его условий, целеполаганий и единства всего сущего. Возможно, поэтому сказкам свойственен феномен непознаваемости решительных действий героев. Перемещение героев в сказке принимает таинственный, полный неожиданности путь. Многие исследователи русских волшебных сказок обращали внимание на использование завораживающих, порой алогичных характеристик места действия событий: «Путешествие героя понимается как мысленный путь в иной, таинственный и неведомый мир, представления о котором отображены также большим количеством нарицательных сочетаний с пространственным значением (в некотором царстве, за тридевять земель, в тридеся-

том государстве и другое)» [11. С. 12]. Большинство этих фраз принимают устойчивый повторяющийся характер. Они используются во многих сказках. Это обстоятельство не отдаляет сюжеты, а скорее делает «тридцатые царства» близкими и родными.

В русских сказках, не смотря на кажущуюся мистификацию происходящего, нередко встречаются названия реально существующих географических объектов (Русь, Белое море, Черное море, Волга). Русский сказочный фольклор отобразил Русь как Родину, «Землю русскую», обширную необъятную страну. Чтобы пересечь границу Руси недостаточно горизонта. Границей перехода между своими и чужими мирами в сказках выступает либо гора, либо море. Русский фольклор неосознанно отразил в своих произведениях как географическое, так и историческое пространство. Сказку можно воспринимать и как источник изучения истории России. Говоря об исторической достоверности сказок нельзя не отметить, что они обладали сильнейшим оружием — художественным словом беспристрастного независимого отображения происходящих в государстве исторических событий. Сказки являют собой способ защиты истинной самобытной славянской культуры.

Географические и пространственные ориентиры развития сказочного жанра в большей мере были сконцентрированы вокруг «колыбели русских городов — Киева и Новгорода» [3. С. 78]. Даже создание централизованного Московского государства и господство на протяжении долгих столетий идеологии «Москва — третий Рим» не смогли побороть киево- и новгородоцентристскую тенденцию сказительного искусства. Былины, сказки, эпические песни были интерпретированы и приспособлены государственным целям. На первый план вышел героический эпос, представленный в былинах. Сказки и песни складывались без какого-либо политического давления. Идея героизма, подвига в Московском государстве была насущной необходимостью в деле воспитания детей, чье поколение должно было свергнуть ненавистное татаро-монгольское иго и прекратить сепаратистские тенденции неугомонных бояр.

В этой связи центр Русских земель по мнению исследователя М.Г. Халанского: «Москва, собирательница Русской земли являлась и собирательницей русского эпоса. Московским петарям принадлежит уже как дальнейшее развитие русского эпоса, так и централизация его в Киевский круг» [12. С. 208]. С другой стороны Московское княжество, обладая вселенско-христианской идеологией о судьбоносности и ответственности за сохранение православия, представляло из себя глубоко централизованное государство с ярко выраженной религиозной схоластикой. Оно было совершенно отличным от Киевской Руси и уж тем более свободолюбивой Новгородской земли. Так, по убеждению одного из первых исследователей устного народного творчества А.В. Маркова: «...с XVI–XVII вв. Московский самодержавный государственный цер-

ковный аппарат был губительным для развития народного творчества» [13. С. 22].

Сказки — настолько огромный и важнейший пласт русской культуры, что все попытки московских властей в борьбе с народным инакомыслием и остатками язычества вело скорее к развитию преданию сказкам голоса истинного мнения народа. Неграмотные крестьянские жители чтит и уважали самобытность русской волшебной сказки. Они старались всеми силами развивать и поддерживать этот вид искусства. Сказка для крестьян (а вплоть до середины XX в. это была основная часть населения страны) значила гораздо большее, чем волшебный сюжет. Сказка была вековой мудростью и инструментом, способом познания мира. Поэтому народ старался сохранить эти знания для последующих поколений. Стараясь пресечь развитие инакомыслия в народе, побороть языческие тенденции был издан даже Указ царя Алексея Михайловича о запрещении рассказывать сказки, колядовать [14. С. 45].

Сказки идеализируют Родину, дом, формируют у людей чувство собственного реального географического и культурного пространства. Так, например, в исследовании К.В. Латовой при сравнении авторских сказок А. Волкова «Волшебник изумрудного города» и Ф. Баума «Волшебник страны Оз» выявлены совершенно разные этические представления своей Родины. У А. Волкова Канзас представлен как Родина Элли. У Ф. Баума «Канзас описан как иссушенная солнцем серая безрадостная равнина (контрастом которой становится многокрасочная страна Оз). А. Волков подчеркивает, что Канзас — это Родина Элли, и поэтому не может ей казаться унылой» [7. С. 186–187]. Русские волшебные и авторские сказки самобытны. Они во многом отразили особое национальное видение мира.

Долгое самобытное развитие России, отсутствие инфраструктуры, позднее развитие капитализма и включение в систему глобальных идей и ценностей сформировали особое представление человека о своем крае и бесконечное уважение и трепет к своей родине. С другой стороны схоластика обыденности воспета сказкой как праздник труда. Тяжелый рутинный труд крестьян, поэтапное обозрение необозримых пространств русских земель — во многом заслуга и подвиг народа. Традиционное общество со свойственным ему глубоким уважением к силам природы превозносит обыденность, придает ей глубинный смысл и великие идеи. Сказительная форма искусства рождает некий второй мир. Этот мир идеального и мир — модель. Герои, явления природы, государство и общество в целом в этом втором мире демонстрируют особенность жизни в пространствах Руси. Источником познания служит реальность, где все подчинено злободневным, вполне объяснимым законам логики.

Сказки, создавая волшебный идеальный мир, словно умудренный опытом ремесленник «...любит свой материал, он знает и чувствует глину, камень

и дерево так, как это дано только искушенному в искусстве созидания.» [15. С. 8]. Сказка в этом смысле больше похожа на один из способов познания действительности. Ее певучая, завораживающая манера изложения выступает проводником в мир волшебства, фантазий и одновременно глубокой рефлексии о существе настоящего. Недаром на Руси с большим уважением относились к мастерам слова, излагающим сказки. Они словно пророки и мудрецы знали ответы на все житейские вопросы. При этом их ответы были коротки и ясны. Рассказчик (сказитель) тем самым был понятен и юнцу, и умудренному опытом старцу. Сказки учат восхищаться привычными вещами. Они воспевали природу, ее силы и единение человека с ней как целостный неделимый организм.

Сказка как ярчайший феномен русской культуры актуальна в любые исторические периоды. Кажется бы, сказки со свойственной им традиционностью должны были давно стигнуть в пучине времени, но сказочный мир всегда важен и интересен.

Отдаляясь от сказки и, в целом, от традиционной культуры, люди находятся во власти глобализационных сил прогресса, технологий и различных коммуникаций. Во многом этот процесс ведет к некой унификации потребностей, интересов, личностных качеств людей. Обществу, воспитываемому на ценностях массового потребления, постоянно насаждается искусственный потребительский голод. Сказка воспекает идею человека как творителя, созидателя. Сказочное пространство в этом смысле представляет пример уникальной творческой деятельности людей. Сказка как великое явление искусства, которое «является моделированием мира и его целостности» [16. С. 31]. Она представляет ключ к познанию русской духовности, менталитета, истории и в целом судьбы и будущего общества и государства. В связи с этим особенности восприятия русской сказкой пространства вобрали в себя не только аспекты архаической модели мира, но и весомый задел для осмысления будущими поколениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зизаний Лаврентий. Грамматика словенска. — Вильно, 1596. — 247 с.
2. Рукописный лексикон первой половины XVIII века. — Л.: Наука, 1964. — 346 с.
3. Кравцов Н.И. Русское устное народное творчество. — М.: Наука, 1983. — 457 с.
4. Афанасьев Н.А. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. — М.: Советская Россия, 1986. — 498 с.
5. Метелинский Е.М. Миф и сказка // Фольклор и этнография. — Л.: Наука, 1970. — С. 46–70.
6. Пресняков О.П. А.А. Потебня и русское литературоведение конца XIX — начала XX вв. — М.: Наука, 1978. — 235 с.
7. Латова Н.В. Чему учит сказка? (о российской ментальности) // Общественные науки и современность. — 2002. — № 2. — С. 180–191.
8. Русская мифология. Энциклопедия / под ред. Е.М. Мадлеевской. — М.: Эксмо, 2007. — 784 с.
9. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. — СПб.: Алетейя, 1999. — 528 с.
10. Краснова Т.В. Традиция волшебной сказки в творчестве русских писателей XX века: авторефер. дис. ... канд. филол. наук. — Улан-Уде, 2004. — 26 с.
11. Горбачева О.Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: авторефер. дис. ... канд. филол. наук. — Орел, 2008. — 28 с.
12. Халанский М.Г. Великорусские былины Киевского цикла. — Варшава, 1885. — 346 с.
13. Селиванов Ф.М. Русский эпос. — М.: Высшая школа, 1988. — 207 с.
14. Приходько П.С. Русская сказка как форма отражения ментальности народа // Вопросы культурологии. — 2008. — № 1. — С. 59–60.
15. Толкиен Д. О волшебных сказках. 2011. URL: http://www.kroto.info/lib_sec/19_tolk/in.htm (дата обращения: 22.01.2011).
16. Каган М.С. Эстетика как философская наука. — СПб.: Алетейя, 1997. — 254 с.

Поступила 14.02.2011 г.